

Г. Ш. Григорян

Домовые книги как этнодемографический источник изучения населения Москвы (1918–1921 гг.)

Проблемы этнодемографии — важная составная часть современного научного дискурса. Преимущество этнодемографических данных заключается в том, что они представляют в численном виде структуру, миграцию и расселение народов. Эти этнические процессы оказывают влияние на общественное сознание и социальные отношения в многонациональном государстве, особенно в столичных городах.

Начало XX в. стало определяющим для демографического развития Москвы на десятилетия вперед. Вследствие Первой мировой войны в составе населения города произошли существенные изменения — возросла доля выходцев из западных губерний России, а последовавшие революция и начало продовольственного кризиса вызвали отток населения: с февраля 1917 по август 1920 г. половина жителей покинула Москву¹. С окончанием военных действий численность горожан начала восстанавливаться, но произошедшие катаклизмы привели к деформации этнической и половозрастной структуры столицы.

Источником, позволяющим получить данные о демографическом составе населения Москвы в годы Гражданской войны, могут служить домовые книги 1918–1921 гг. В отличие от переписей и других видов статистического

**Григорян Генрих
Шамильевич**
научный
консультант,
компания
«ЭтноЭксперт»
(Санкт-Петербург,
Россия)

учета населения, они до сих пор остаются одним из наименее востребованных и изученных источников.

Несмотря на то что домовые книги содержат множество ценной информации о гражданах, проживавших в московских домах, историки обращаются к ним довольно редко. Так, А. И. Гозулов говорит о переписи населения Петербурга 1864 г., в которой исчисление велось по домовым книгам². В работе Ю. В. Аргудяевой о заселении Приморья упоминаются домовые книги, фактически бывшие похозяйственными³. Под названием «домовых» эти книги имели хождение только на территории Приморья с 1934 г. для прописки сельского населения.

В большинстве случаев отечественная историография обращается к метрическим книгам⁴. Отличительная черта их содержания — информация о естественном движении населения. В домовых же книгах содержатся данные о регистрации по месту жительства. Часть демографической информации в обоих источниках совпадает, поэтому методы обработки метрических книг полезны в работе и с домовыми книгами.

Говоря об исследованиях населения Москвы периода Гражданской войны, нужно упомянуть обзор статистических источников о Москве 1917–1923 гг., сделанный А. А. Федулиным. Автор обращает внимание на неполное применение изданной статистики по Москве, а также на нехватку новых источников⁵. К проблематике демографии Москвы обращается И. Н. Гаврилова, указывая на то, что при обилии изданий о Москве редко встречаются те, в которых исследуется ее население⁶. На уровень городского района выходит исследование О. М. Ульянова, отмечающего, что подавляющее большинство изданий посвящено населению Москвы в целом⁷. Работ на микроуровне недостаточно, почти не рассматривается пространственная типологизация города.

Таким образом, нужно признать слабую историографическую изученность домовых книг Москвы начала XX в. В научной литературе не раскрыты многие вопросы этнодемографии Москвы указанного периода. И хотя в 1917–1923 гг. были проведены четыре переписи населения Москвы⁸, их результаты недостаточно разработаны органами статистики, а исходные материалы сохранились в малом количестве. Поэтому актуален ввод новых источников, которые дополнят сведения о городе и его отдельных частях. Один из таких источников — домовые книги Москвы 1918–1921 гг., применявшиеся для регистрации граждан.

Домовые книги Москвы впервые вводятся нами в научный оборот как исторический источник. Они хранятся в Центральном государственном архиве Москвы и датируются 1917–1924 гг. Каждая книга рассчитана на год использования, но некоторые стабильно заполнялись с 1918 по 1921 г. Выбор таких экземпляров позволил проследить динамику некоторых этнодемографических показателей населения за четыре года. Домовые книги содержат следующие графы: «Откуда и когда прибыл в дом», «Фамилия, имя, отчество и звание, холост или женат», «Лета», «Вероисповедание», «Каким учреждением, какого года, месяца и числа и за каким № выдан предъявленный на жительство документ», «Срок больничного сбора и № больничной квитанции», «Название

правления больничной кассы. № и время выданного удостоверения участнику кассы», «На квартире или в услужении, и если на квартире, то чем занимается», «№ квартиры», «Срок паспорта», «Год, месяц и число явки и прописки видов; подпись полицейского чиновника», «Куда и когда выбыл; подпись полицейского чиновника».

В ходе исследования извлечены и обработаны 7330 записей из 21 домовой книги, которые принадлежали к пяти отделениям милиции. Всего подобных административных единиц насчитывалось 49. Они образовались после Октябрьской революции из бывших полицейских участков. На каждое отделение милиции пришлось не менее 1280 записей из домовых книг за период с 1 января 1918 г. (по старому стилю) по 30 декабря 1921 г. Выбранные кусты домов равномерно расположены по наиболее населенной части города: в центре, на юго-западе, северо-западе, северо-востоке и юго-востоке относительно Садового кольца Москвы (рис. 1).

Учитывая большое количество показателей, мы используем те, которые наиболее полно отражены в источнике: динамику численности, постоянное место жительства, пол и возраст. Термин «постоянное место жительства» в данном случае аналогичен понятию «место приписки», которое бытовало до революции для податных сословий. Кроме того, сделана попытка получить информацию по косвенным признакам — установить этническую принадлежность граждан. Выбранные количественные показатели рассматриваются на уровне города с помощью сопоставления домовых книг с переписями Москвы. Впоследствии эти характеристики станут важным ориентиром при исследовании на локальном уровне.

Логично начать описание источника с рассмотрения динамики численности жильцов, так как она отражает общий показатель (рис. 2). График построен на основе базы данных, составленной из записей 21 домовой книги, внесенных в таблицу *Excel*. Каждая точка графика соответствует количеству граждан, находившихся в 21 московском доме на конкретную дату, и представляет собой единовременный срез. Для этого программа высчитала количество жильцов, числившихся прописанными в каждый конкретный день исходя из дат прописки и выписки, и так за все четыре года. Если общее число извлеченных записей составляет 7330 за четыре года, то в каждый конкретный день численность жильцов была в 3–4 раза меньше из-за их частой сменяемости. Например, 1 января 1918 г. она составляла 2220 чел., 21 апреля 1918 г. — 2604 чел., 28 августа 1920 г. — 1850 чел.

На кривой графика (см. рис. 2) проставлены значения численности жильцов на начальную и конечную даты, а также на момент переписей 21 апреля 1918 г. и 28 августа 1920 г. Эти даты используются и в представленных ниже таблицах. Кривая показывает определенные закономерности: рост с начала и до конца апреля 1918 г., затем некоторые колебания до середины июня того же года. Далее затяжной спад до минимума к августу 1920 г., сначала резкий, затем пологий. И после прохождения нижней точки новый подъем, продолжающийся до конца весны 1921 г., а затем стабилизация численности.

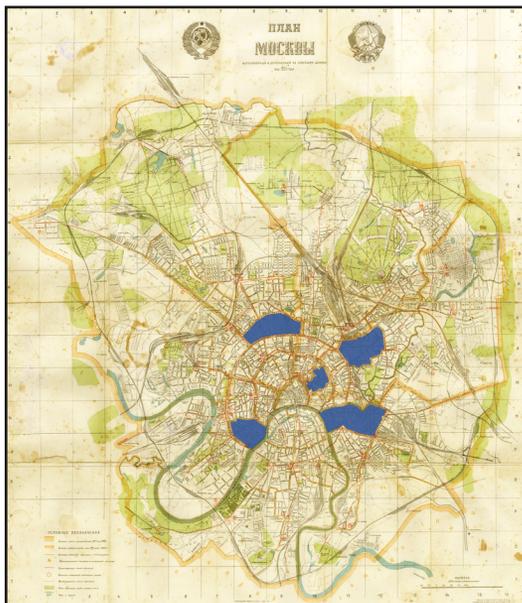
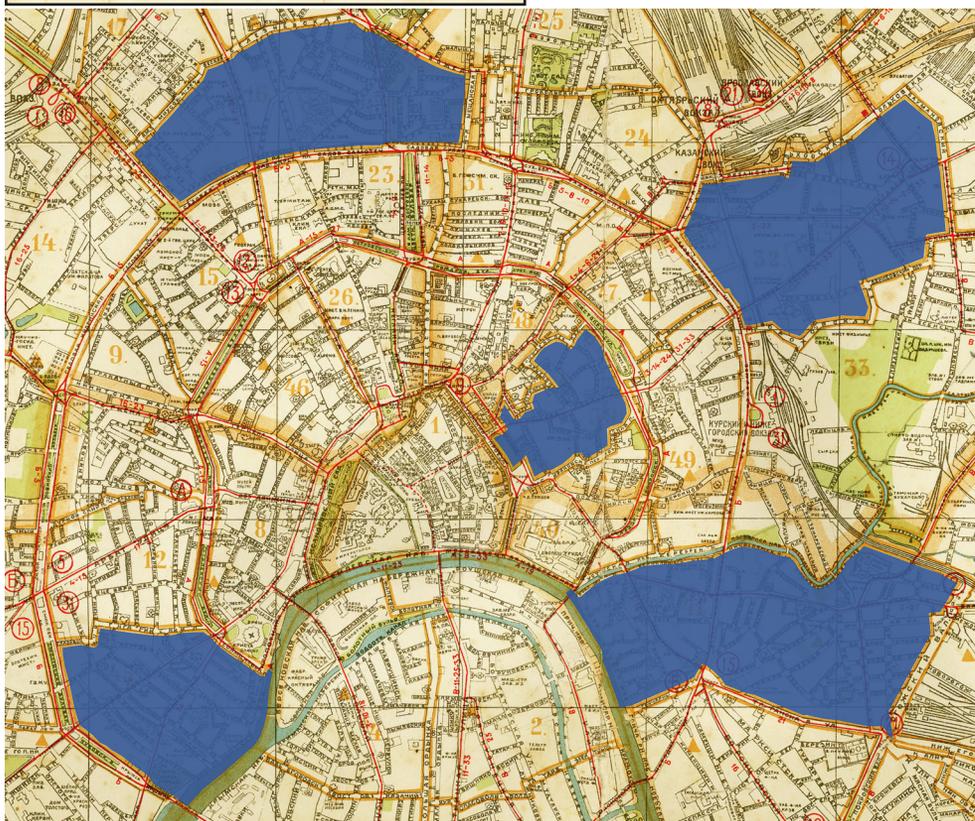

Рис. 1. План Москвы 1925 г. с пятью выделенными отделениями милиции, которым принадлежали выбранные домовые книги в 1918–1921 гг. (источник: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/m.phpr=0619251&z=13&y=55.784851&x=37.638876> (дата обращения: 21.10.2017))

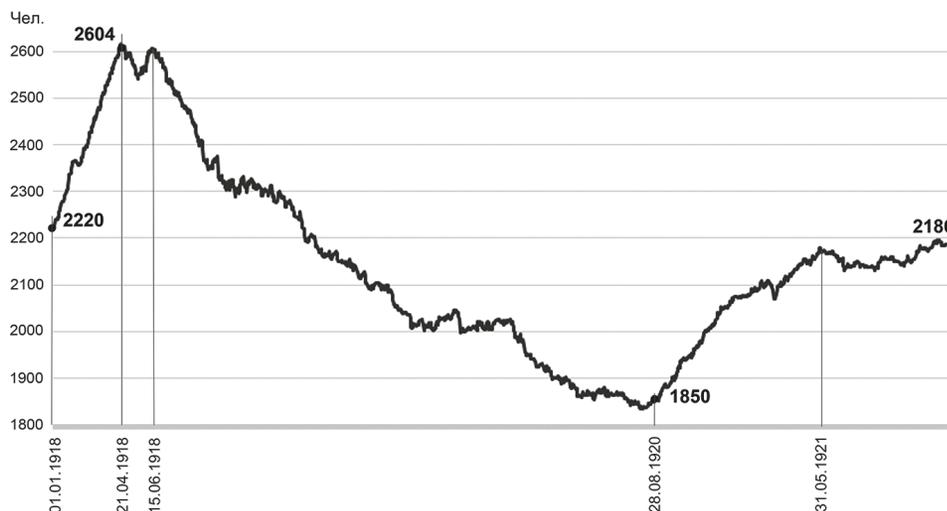

Рис. 2. Динамика численности жильцов 21 дома из 5 отделений милиции Москвы по домовым книгам (1918–1921 гг.), чел. (рассчитано по: Домовые книги Москвы 1918–1921 гг. // Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГАМ). Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Ф. 1331. Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Ф. 1331. Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Ф. 1331. Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146)

Данные переписей и исчислений (табл. 1) позволяют оценить результаты, отображенные на полученном графике. К началу 1917 г. темпы прироста населения Москвы замедлились с 6,1% до 1,4%, а затем начался спад. В 1918 г. спад ускорился с –12,8% до –17,0% и продолжился до 1920 г. Новый подъем, последовавший только после августа 1920 г., составлял 19,7% и продлился вплоть до 1923 г. Затем темпы прироста снизились и до 1926 г. составляли 8,4%. В этом смысле интересно оценить соотношение данных о населении в переписях и домовых книгах.

По графику (см. рис. 2) видно, что с апреля 1918 по 1921 г. домовые книги в целом адекватно отражают направления спадов и подъемов. Но при подробном сравнении относительных значений выявляется некоторое отличие от переписей. Во-первых, в начале 1918 г., согласно переписям, должен наблюдаться спад –12,8% в год (табл. 1), а домовые книги до апреля того же года показывают резкий подъем и только затем уже спад (см. рис. 2). Во-вторых, наблюдается относительное снижение численности с апреля 1918 по август 1920 г. По переписям спад составил –40,1%, по книгам –29,0%. Разница в 11,1% существенна. В-третьих, по переписям после августа 1920 г. началось резкое увеличение численности населения, которое до 1923 г. составляло 19,7% в год. Но схожие с этими темпы, по данным книг, в 16,6% наблюдаются только до февраля 1921 г., а затем весной рост замедляется и останавливается⁹. Как объясняются такие расхождения?

Таблица 1

Темпы прироста населения Москвы в 1912–1926 гг. по переписям и исчислениям

Перепись 1912 г., чел.	1 617 700
% в год	6,1
Исчисление 1915 г., чел.	1 983 716
% в год	1,4
Исчисление II/1917 г., чел.	2 017 173
% в год	-12,7
Перепись IX/1917 г., чел.	1 854 426
% в год	-12,8
Перепись 1918 г., чел.	1 716 022
% в год	-17,0
Перепись 1920 г., чел.	1 027 336
% в год	19,7
Перепись 1923 г., чел.	1 542 874
% в год	8,4
Перепись 1926 г., чел.	2 025 947

Источники: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 9; Статистический ежегодник 1918–1920 гг. С. 332; Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 3: Население СССР. М., 1927. С. 62.

Рост численности населения в первые месяцы 1918 г. по домовым книгам, идущий вразрез с переписями, мог стать следствием нескольких причин. Во-первых, в начале 1918 г. вероятен временный локальный подъем при общем спаде (например, возврат жителей в Москву на фоне ожиданий после Октябрьской революции 1917 г.). Во-вторых, необходимо учитывать возврат отдельных групп (например, военнослужащих с фронтов мировой войны). В-третьих, лица, фактически проживавшие в квартирах, но не зарегистрированные в домовых книгах, затем стали в них записываться для получения продовольственных карточек. В-четвертых, указанные причины могли действовать одновременно, и через три с половиной месяца после того, как они себя исчерпали, спад продолжился.

Стабилизация численности населения с лета до конца 1921 г. по домовым книгам (см. рис. 2) также не вполне соответствует переписям, которые фиксируют резкий рост с осени 1920 до 1923 г.¹⁰ В данном случае домовые книги могли отобразить временную стабилизацию, после которой рост продолжился.

Кроме того, на снижение качества учета жильцов влияли введение нэпа и отмена карточек весной-летом 1921 г.

Чтобы выявить этнодемографические особенности источника, рассмотрим полученные результаты по отдельным показателям: постоянному месту жительства, половозрастной структуре, а также этническому составу граждан.

Переходя к категории «постоянное место жительства», отметим, что в ближайших переписях 1902 и 1926 гг. похожим показателем является «место рождения»¹¹. Однако человек, родившийся в одной губернии, мог переехать в другую на постоянное место жительства, и тогда сравнение будет некорректным. Кроме того, результаты переписи 1926 г. несопоставимы с периодом 1918–1921 гг. по причине изменения границ губерний, а перепись 1902 г. отстоит далеко по времени. Поэтому на данном этапе рассмотрим постоянное место жительства без сопоставления с переписями.

Как отмечалось выше, в январе — апреле 1918 г. источник фиксировал увеличение численности жильцов (см. рис. 2), но при этом почти не менялось соотношение по происхождению граждан из той или иной губернии (табл. 2). Значит, в начале 1918 г. представительство различных регионов в Москве могло быть стабильно.

После апреля 1918 г. соотношение мигрантов по данным домовых книг начинает меняться. Со снижением общей численности процент москвичей повышается, и к августу 1920 г. их доля возрастает почти на треть, но затем вновь снижается к 1921 г. (см. табл. 2). В отличие от численности неместных, абсолютная численность москвичей изменяется незначительно. Продовольственный кризис слабо влиял на их подвижность.

Со спадом общей численности выделяются губернии (Московская, Калужская, Владимирская, Петербургская), представители которых убывали медленнее среднего, в результате к августу 1920 г. их доля возросла. Вместе с тем доля мигрантов из Рязанской, Тульской, Смоленской, Ярославской, Лифляндской, Курляндской, Варшавской, Гродненской, Витебской губерний убывала быстрее остальных.

По графику (см. рис. 2) видно, что в августе 1920 г. численность жителей могла быть минимальной за весь период, а затем начался довольно ощутимый прирост. Но на подъеме количество представителей некоторых губерний росло быстрее среднего. Рязанская, Тульская, Владимирская, Тамбовская губернии увеличивали свою долю в общей численности. Одновременно выявились губернии, у которых темпы роста населения оказались ниже среднего и доля в общей численности падала: Московская, Калужская, Смоленская, Петербургская, Лифляндская, Курляндская, Гродненская.

Несмотря на колебания численности жильцов с апреля 1918 по 1921 г., некоторые губернии сохраняли относительную стабильность (Тверская, Орловская, Костромская, Могилевская). В то же время Владимирская губерния показывала постоянный рост относительных значений, а такие западные губернии, как Смоленская, Лифляндская, Курляндская, Гродненская, наоборот, демонстрировали постоянный спад.

Таблица 2

Доля москвичей и пришлых по постоянному месту жительства в общей численности жильцов (1918–1921 гг.)

Москва и губернии с долей жильцов не менее 1 %	1 января 1918 г., %	21 апреля 1918 г., %	28 августа 1920 г., %	30 декабря 1921 г., %
Москва	10,7	10,6	14,4	11,9
Московская	19,3	19,2	24,9	22,8
Рязанская	10,1	9,8	7,7	8,4
Тульская	8,6	8,7	7,7	9,3
Калужская	4,6	4,8	6,0	5,6
Владимирская	4,5	4,5	5,0	5,6
Лифляндская	3,7	3,2	1,6	1,4
Смоленская	3,6	4,0	3,0	2,7
Тверская	3,5	3,5	3,5	3,5
Курляндская	2,6	2,1	1,9	1,1
Ярославская	2,4	2,4	1,9	2,0
Варшавская	1,9	1,9	0,5	1,1
Гродненская	1,9	1,6	1,3	1,0
Витебская	1,5	1,5	0,8	1,3
Орловская	1,4	1,6	1,7	1,7
Петроградская	1,1	1,6	2,2	1,8
Тамбовская	1,3	1,1	1,0	1,4
Костромская	1,0	1,2	1,1	1,1
Могилевская	1,0	1,0	1,2	1,0
Прочие	15,3	15,7	12,6	15,3

Источники: Домовые книги Москвы 1918–1921 гг. // ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Ф. 1331. Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Ф. 1331. Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Ф. 1331. Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

После преодоления спада 1920 г. наблюдается тенденция к возврату прежнего соотношения представителей регионов в Москве, но с некоторыми особенностями. Рязанская и Тульская губернии поменялись местами. Относительная величина представителей Смоленской губернии снижается, и она меняется местами с Тверской. Повышается доля граждан из Петербургской

Таблица 3

Половозрастной состав жильцов 21 дома Москвы в 1918–1921 гг.

Возраст, лет	1 января 1918 г., %	21 апреля 1918 г., %	28 августа 1920 г., %	30 декабря 1921 г., %
Мужчины				
0–9	11,4	9,1	11,7	10,7
10–19	24,9	20,5	18,4	19,4
20–29	15,9	21,4	19,5	22,5
30–39	16,7	18,7	20,6	19,6
40–49	17,3	17,1	16,6	15,4
50–59	9,1	8,6	9,5	8,5
60 и более	4,4	4,0	3,3	3,4
Не определен	0,3	0,6	0,4	0,5
Женщины				
0–9	7,6	7,2	8,2	9,3
10–19	19,2	17,1	16,4	16,6
20–29	27,3	28,4	27,0	27,9
30–39	19,6	20,1	18,8	18,8
40–49	13,3	13,1	14,1	11,7
50–59	8,2	8,6	9,9	9,6
60 и более	4,1	4,7	4,8	5,1
Не определен	0,7	0,7	0,8	0,9

Источник: Домовые книги Москвы 1918–1921 гг.: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Ф. 1331. Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Ф. 1331. Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Ф. 1331. Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

губернии. Таким образом, происходит некоторая ротация губерний, одни выходят вперед, другие теряют позиции. На 5 % увеличивается относительное количество уроженцев центральных губерний, а количество западных уменьшается в два раза — вероятно, вследствие возврата на родину беженцев мировой войны.

В отличие от показателя «постоянное место жительства», который первые месяцы 1918 г. не менялся, половозрастная структура деформируется. На протяжении 1918–1921 гг. у мужчин и женщин сохраняется значительная разница по возрастной группе 20–29 лет. В начале 1918 г. эта разница составляет 11,4 %, или 1,7 раза, затем уменьшается до значений 5,4–7,5 %, или 1,2–1,4 раза.

Таблица 4

Сравнение половозрастного состава по данным домовых книг и переписей Москвы 1918 и 1920 гг.

Возраст, лет	Домовые книги 21 апреля 1918 г., %	Перепись 21 апреля 1918 г., %	Разница, %	Домовые книги 28 августа 1920 г., %	Перепись 28 августа 1920 г., %	Разница, %
Мужчины						
0–9	9,1	14,4	–5,3	11,7	14,5	–2,8
10–19	20,5	22,0	–1,5	18,4	19,4	–1,0
20–29	21,4	21,5	–0,1	19,5	24,3	–4,8
30–39	18,7	17,7	1,0	20,6	18,5	2,1
40–49	17,1	13,6	3,5	16,6	13,0	3,6
50–59	8,6	7,0	1,6	9,5	7,1	2,4
60 и более	4,0	3,1	0,9	3,3	2,7	0,6
Не определен / Неизвестно	0,6	0,7	–0,1	0,4	0,5	–0,1
Женщины						
0–9	7,2	14,2	–7	8,2	14,1	–5,9
10–19	17,1	19,9	–2,8	16,4	19,1	–2,7
20–29	28,4	24,2	4,2	27,0	23,0	4,0
30–39	20,1	16,7	3,4	18,8	15,9	2,9
40–49	13,1	11,2	1,9	14,1	12,5	1,6
50–59	8,6	7,1	1,5	9,9	8,8	1,1
60 и более	4,7	5,9	–1,2	4,8	6,2	–1,4
Не определен / Неизвестно	0,7	0,8	–0,1	0,8	0,4	0,4

Источники: Домовые книги Москвы 1918–1921 гг. // ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Ф. 1331. Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Ф. 1331. Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Ф. 1331. Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146. — Произведена перегруппировка возрастных периодов и рассчитано их относительное значение для 1918 и 1920 гг. по: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. С. 15.

Домовые книги отражают последствия мобилизации мужчин призывного возраста.

С января по апрель 1918 г. наряду с увеличением численности всех возрастов (см. рис. 2) в двух мужских группах среднего возраста наблюдается

опережающий рост. Доля мужчин 20–29 лет возрастает на 5,5 %, 30–39 лет — на 2 % (табл. 3). У остальных групп мужского населения в этот период относительная численность падает. В то же время у женщин перемены незначительны. Значит, увеличение доли мужчин 20–29 лет может указывать на частичное возвращение военнослужащих с фронтов Первой мировой войны, которое совпадает с подготовкой и заключением Брестского мира 3 марта 1918 г.

Сравнение половозрастной структуры по данным домовых книг с результатами переписей 1918 и 1920 гг. позволяет увидеть некоторые особенности (табл. 4). Наибольшая разница наблюдается в детской возрастной группе от 0 до 9 лет. В 1918 г. доля мальчиков по домовым книгам ниже, чем по переписям, в 1,6 раза, девочек — в 2 раза. Но к августу 1920 г. разница снижается у обоих полов.

Кроме того, в 1920 г. в группе призывного возраста у мужчин 20–29 лет домовые книги показывают результат ниже, чем в переписи, на 4,8 %, или в 1,2 раза. По другим возрастным группам относительные показатели источника несколько выше, чем показывают переписи. Например, у мужчин 40–49 лет и женщин 20–29 лет такая разница составила 3,6–4 % по обеим датам.

Переходя к этнической принадлежности жильцов, необходимо отметить, что в домовых книгах отсутствует запись о национальности. Тем не менее мы попытались определить ее, используя сумму трех факторов: фамилия, имя, отчество (ФИО), вероисповедание, постоянное место жительства. Задача — выявить этническую структуру и динамику ее изменения, а также сравнить полученный результат с переписью 1920 г. для выявления схожестей и различий.

При определении этнической принадлежности 90 % записей не представляют сложности, три фактора с высокой вероятностью указывают на этническую принадлежность. Например, Авдонин Афанасий Иванович, православный, уроженец Рязанской губернии определяется как русский; Гальская Ванда Яновна, римо-католичка, уроженка Варшавской губернии — полька; Драница Степан Семенович, православный, уроженец Минской губернии — белорус и т. д.

Этническую принадлежность у 8 % жителей выявить оказалось сложнее, например, когда у гражданина немецкая фамилия + русские имя и/или отчество. Представляется, что в таких случаях больший вес приобретает вероисповедание как индикатор выбора этничности. Тогда православный определяется русским, лютеранин — немцем. Похожий выбор приходится делать, когда у человека присутствует русско-белорусская, русско-украинская и украинско-польская составляющие.

Наибольшие трудности возникли при выделении из прибалтов латышей, литовцев и эстонцев, поэтому решено оставить их в одной группе. Кроме того, некоторых прибалтов легко спутать с немцами из-за схожести имен, фамилий и отсутствия отметок о вероисповедании. Эти категории включены в группу «нераспознанные», которая не превысила 2 %.

Результат проведенного анализа демонстрирует динамику этнического состава жильцов по данным домовых книг (табл. 5). В таблице представлены этносы, имевшие наибольшую численность по домовым книгам за период с 1918 по 1921 г. Видно, что с ростом численности жильцов за первые месяцы

Таблица 5

Этнический состав жильцов 21 дома Москвы в 1918–1921 гг.

Этносы	1 января 1918 г., %	21 апреля 1918 г., %	28 августа 1920 г., %	30 декабря 1921 г., %
Русские	75,8	77,9	83,2	81,7
Евреи	5,6	5,3	5,5	7,7
Немцы	5,1	4,7	3,2	2,2
Поляки	4,3	4,1	1,8	1,7
Латыши, литовцы, эстонцы	3,8	3,1	2,8	2,2
Белорусы	2,2	1,8	1,2	1,3
Украинцы	1,1	1,1	0,6	1,1
Прочие	1,5	1,4	0,9	1,1
Нераспознанные	0,6	0,6	0,8	1,0

Источник: Домовые книги Москвы 1918–1921 гг. // ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Ф. 1331. Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Ф. 1331. Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Ф. 1331. Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

1918 г. начинает меняться этническая структура. К апрелю 1918 г. относительная численность русских увеличилась на 2,1% — до 77,9%, но несколько уменьшилась у евреев, немцев, поляков, прибалтов и белорусов.

После апреля 1918 г. на фоне падения общей численности доля русских продолжала увеличиваться и в августе 1920 г. достигла 83,2%. Продолжила постепенно снижаться доля немцев, прибалтов и белорусов, а процент поляков снизился более чем в два раза. К 1920 г. понизилась и доля украинцев, а также прочих народностей. Незначительно погрис процент евреев. После августа 1920 г. общая численность населения начала повышаться, но в то же время снизилась доля русских, которая в конце 1921 г. составляла 81,7%. Параллельно происходит дальнейшее снижение относительной численности представителей западных губерний. Суммарная доля немцев, поляков, латышей, литовцев, эстонцев и белорусов с начала 1918 по конец 1921 г. снизилась в два раза. Наряду с этим более чем на четверть повысилась доля евреев, а доля украинцев осталась на том же уровне.

Сравнение данных этнического состава жильцов по домовым книгам с результатами переписи Москвы 1920 г. позволяет оценить степень совпадения обоих источников (табл. 6). Из таблицы видно, что домовые книги адекватно отражают процент русских, но в несколько раз завышают долю евреев, немцев, прибалтов, белорусов и украинцев по сравнению с переписью. Процент поляков оказался точнее.

Таблица 6

Сравнение этнического состава Москвы по данным домовых книг и переписи 1920 г.

Этносы	Домовые книги 28 августа 1920 г., %	Перепись 28 августа 1920 г., %	Разница, %
Русские	83,2	84,8	-1,6
Евреи	5,5	2,7	2,8
Немцы	3,2	0,6	2,6
Поляки	1,8	1,4	0,4
Латыши, литовцы, эстонцы	2,8	1,5	1,3
Белорусы	1,2	0,3	0,9
Украинцы	0,6	0,2	0,4
Прочие	0,9	1,1	-0,2
Нераспознанные / неуказанные	0,8	7,4	-6,6

Источники: Домовые книги Москвы 1918–1921 гг. // ЦГАМ. Ф.1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Ф.1331. Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Ф.1331. Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Ф.1331. Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. С. 16.

Вероятно, разница обусловлена спецификой самого источника, ведь домовые книги подбирались так, чтобы отследить динамику, период их заполнения составлял не менее четырех лет. Такому критерию соответствуют книги из многоквартирных домов, где плотность беженцев Первой мировой войны могла быть выше. В результате увеличилась доля этносов, преобладающих в западных губерниях.

Другой причиной мог стать выбранный способ определения этнической принадлежности по ФИО, вероисповеданию и постоянному месту жительства. Возможно, часть православных с белорусскими и украинскими фамилиями, которые отнесены к белорусам и украинцам, на самом деле записались русскими во время переписи.

Введение в научный оборот и описание домовых книг как разновидности массового источника изучения населения Москвы представляется необходимым и тем более актуальным, что ощущается недостаток исследований о населении Москвы на уровне города и его районов.

Домовые книги оказались достаточно информативны. Источник позволяет получить динамику этнодемографических показателей за четыре года — то, что недоступно переписи, которая представляет собой единовременный срез. Например, стало возможным увидеть изменения характеристик населения на фоне высоких темпов отрицательного прироста в 1918–1920 гг., деформацию половозрастной и этнической структур.

Ценность домовых книг как источника проявляется и во взаимосвязи множества признаков, что позволяет исследователю по-разному комбинировать данные. Так, в одной таблице переписи связаны, как правило, два-три признака, что ограничивает количество возможных комбинаций, а домовые книги позволяют комбинировать не менее шести признаков.

На примере 21 домовой книги из 5 отделений милиции показано, что источник позволяет получить массив информации о населении Москвы и отдельных частях города, а также идентифицировать граждан. Точнее, домовые книги позволяют вести исследование на разных уровнях: город — район — отделение милиции — дом — житель. Сравнивая локальные данные с общими, можно добиваться повышения объективности результатов научной работы.

Для выявления демографических и этнических характеристик представляется правильным на данном этапе использовать наиболее полные данные из домовых книг. Их сравнение с результатами переписей Москвы позволило обнаружить общие тенденции в динамике, что отразило реалии Гражданской войны. Но найдены и отдельные различия, которые важно учитывать в дальнейшей работе с источником. Сведения, полученные на основе изучения домовых книг, могут быть применены как в исследованиях по урбанистике в целом, так и в области социальной истории, этнопсихологии и в других отраслях гуманитарного знания.

На следующих этапах исследования целесообразно изучить локальный уровень этнодемографии города. Одновременно с домовыми книгами необходимо привлечение новых архивных данных, а также изданных материалов по переписям 1918, 1920, 1923 и 1926 гг.

¹ Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Труды Центрального статистического управления. Т. VIII. Вып. 2. XXXL. Население и хозяйство г. Москвы. М., 1922. С. 332.

² *Гозулов А. И.* Местные переписи населения до революции (1861–1917) // Ученые записки Ростовского-на-Дону финансово-экономического института. Т. 1. Ростов н/Д., 1941. С. 256.

³ *Аргудяева Ю. В.* Этнодемографическая история сельских семей Приморья: по материалам метрических и домовых книг // Материалы Всероссийского научного симпозиума по исторической демографии «Этнодемография и этнокультурные процессы на Севере Евразии в прошлом и настоящем: источники изучения и методы их анализа»: сб. ст. Вып. 4, ч. 1. Сыктывкар, 2007. С. 133.

⁴ См., напр.: *Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е.* Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII — начале XX в.). Барнаул, 2013; *Дьячков В. Л., Канищев В. В., Орлова В. Д.* Место метрических книг в комплексе источников по исторической демографии России XVIII — начала XX в. // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007; *Маркова М. А.* Первичные документы по учету населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII — первой половине XIX в. как исторический источник (метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; *Смирнова С. С.* Демографические процессы в Олонецкой губернии в XIX — начале XX в. Опыт компьютерного анализа метрических книг: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; *Твердюкова Е. Д.* Административные и церковные источники по истории народонаселения Новгородской губернии XIX — нач. XX в.: опыт комплексного анализа: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001; и др.

⁵ *Федулин А. А.* Обзор публикаций статистических источников о населении г. Москвы в 1917–1923 гг. // Археологический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 229.

⁶ Гаврилова И. Н. Демографическая история Москвы. М., 1997. С. 4.

⁷ Ульянов О. М. Пространственно-типологический анализ социальной структуры населения крупного города пореформенного времени (по материалам переписи населения Москвы 1882 г.) // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сб. ст. Барнаул, 2005. С. 10.

⁸ Всероссийская городская перепись населения 1917 г. (проведена совместно с сельскохозяйственной переписью); Перепись населения г. Москвы 21 апреля 1918 г. (проведена параллельно с Всероссийской промышленной и профессиональной переписью 1918 г.); Всероссийская перепись населения 28 августа 1920 г.; Всесоюзная городская перепись 1923 г.

⁹ Рассчитано по: Домовые книги Москвы 1918–1921 гг.: Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГАМ). Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Ф. 1331. Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Ф. 1331. Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Ф. 1331. Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. С. 9.

¹⁰ Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. С. 9.

¹¹ Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Вып. 2. М., 1906. С. 18.; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 36. Отдел 3. М., 1930. С. 216–217.

Статья поступила в редакцию 12 января 2018 г.

Рекомендована в печать 12 сентября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Григорян Г. Ш. Домовые книги как этнодемографический источник изучения населения Москвы (1918–1921 гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 1042–1057. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.413>
УДК 94(470-25)“1918/1921”

Аннотация: Домовые книги Москвы периода Гражданской войны, бывшие формой регистрации граждан, содержат различную информацию о них. В Центральном государственном архиве Москвы сохранилось множество таких книг периода 1917–1924 гг. Этот богатый материал не анализировался в исторических исследованиях. В статье сделана попытка ввести домовые книги в научный оборот в качестве этнодемографического источника. Проанализированные данные помогают получить новые знания о населении Москвы начала XX в., дополнить сведения о городе и его отдельных частях. Исследование проведено на основе 21 домовой книги, из которых составлена база данных в 7330 записей за период с начала 1918 по конец 1921 г. Выбранные адреса распределены по пяти отделениям милиции. Изученные данные позволили построить график динамики общей численности жителей. В исследовании приведены таблицы соотношения местного московского и пришлого населения, половозрастной структуры и этнического состава. Для оценки значимости нового источника полученные характеристики сравнивались с результатами переписей Москвы 1918 и 1920 гг. Такое сопоставление показало, что домовые книги передают основные тенденции этнодемографических процессов, но имеют определенные особенности, которые нужно учитывать при их изучении. В отличие от переписей, новый источник позволяет увидеть динамику этнодемографических характеристик, а также комбинировать множество показателей. С помощью домовых книг можно проводить исследование на разных уровнях, получать данные о этнодемографии московского населения как по городу в целом, так и на локальном уровне.

Ключевые слова: домовые книги, Москва, этнодемография, этнические группы, историческая демография, национальности, Гражданская война.

Сведения об авторе: Григорян Г. Ш. — научный консультант, компания «ЭтноЭксперт» (Санкт-Петербург, Россия); genrh.1@mail.ru

Компания «ЭтноЭксперт», Россия, 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60А

FOR CITATION

Grigoryan G. S. 'House Registers as an Ethnodemographical Source for Studying the Population of Moscow (1918–1921)', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 4, 2019, pp. 1042–1057. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.413>

Abstract: Housing registers of Moscow of the Civil War period were a form of registration for citizens and contain various information about them. Many such record books of the period of 1917–1924 are held in the Central State Archive of Moscow. This material has not yet been analyzed in historical researches. The article introduces house registers into scientific use as an ethnodemographical source. The obtained data will be helpful for gaining new knowledge about the population of Moscow in the early 20th century and adding new information about the city and its individual parts. The research is based on 21 house registers, which compile a database of 7,330 entries over the period from 1918 till 1921. The selected addresses are distributed over five militia stations in Moscow. The obtained data made it possible to construct a plot of the dynamics of the total number of inhabitants. The research provides tables of correlation between the local population of Moscow and newly-arrived population; of the sex and age structure and the ethnic makeup. These characteristics were compared to the results of censuses in Moscow in 1918 and 1920. It shows that house registers convey the main tendencies of ethnodemographical processes, but they have certain peculiarities. Unlike censuses, the new source allows to see dynamics of ethnodemographical characteristics and combine multiple indicators. House registers can be used to conduct at different levels, and to obtain data about the ethnodemography of Moscow's population both for the entire city and localities within it.

Keywords: house registers, Moscow, ethnodemography, ethnic groups, historical demography, nationalities, Civil War.

Author: *Grigoryan G. S.* — Research Consultant, "EthnoExpert" Company (St. Petersburg, Russia); genrih.1@mail.ru

"EthnoExpert" Company, 60A, B. Sampsonievskiy pr., St. Petersburg, 194044, Russia

References:

- Argudyaeva Yu. V. 'Ethnodemographic history of the rural families of Primorye: based on the metric and the house registers', *Materialy Vserossiiskogo nauchnogo simpoziuma po istoricheskoy demografii Etnodemografiya i etnokul'turnye processy na Severe Evrazii v proshlom i nastoiashchem: istochniki izucheniya i metody ikh analiza*, iss. 4, part 1 (Syktyvkar, 2007). (In Russian)
- Dyachkov V. L., Kanishchev V. V., Orlova V. D. 'Place of metric registers in a complex of sources on historical demography of Russia 18th — the beginning of 20th century', *Materialy tserkovno-prikhodskogo ucheta naseleniya kak istoriko-demograficheskii istochnik* (Barnaul, 2007). (In Russian)
- Fedulín A. A. 'Review of publications of statistical sources on the population of Moscow in 1917–1923', *Arheograficheskii ezhegodnik za 1987 god* (Moscow, 1988). (In Russian)
- Gavrilova I. N. *Demographic history of Moscow* (Moscow, 1997). (In Russian)
- Gozulov A. I. 'Local population censuses before the revolution (1861–1917)', *Uchenye zapiski Rostovskogo-na-Donu finansovo-ekonomicheskogo instituta*, vol. 1. (Rostov-on-Don, 1941). (In Russian)
- Markova M. A. *Primary documents on registration of the population of the St. Petersburg province in 18th — first half of 19th centuries as a historical source (metric registers, confessional lists, audit tales)* [Candidate of History Dissertation] (St. Petersburg, 2005). (In Russian)
- Smirnova S. S. *Demographic processes in Olonets province in the 19th — early 20th centuries, the Experience of computer analysis of metric registers* [Candidate of History Dissertation] (St. Petersburg, 2002). (In Russian)
- Tverdyukova E. D. *Administrative and Church sources on the history of population of Novgorod province 19th — early 20th centuries* [Candidate of History Dissertation] (St. Petersburg, 2001). (In Russian)
- Ulyanov O. M. 'Spatial and typological analysis of the social structure of the population of a large city in post-reform time (based on the census of Moscow in 1882)' (Barnaul, 2005). (In Russian)
- Vladimirov V. N., Sarafanov D. E. *Information technology in the study of metric registers (Barnaul population in the late 18th — early 20th century)* (Barnaul, 2013). (In Russian)

Received: January 12, 2018

Accepted: September 12, 2019